

На следующий день.

Фан Добин взял себе псевдоним Юань Цзянькан, и Гу Чжи, услышав это имя, сразу же скептически хмыкнула про себя.

Юань Цзянькан — Фан Добин, ну надо же было придумать такое имя, состоящее из сплошных антонимов к его настоящему имени.

Она посмотрела на Фан Доби́на... нет, теперь уже на Юань Цзянькана.

На нем был короткий дорожный костюм светлых тонов, а лицо скрывала ажурная серебряная маска с черными вкраплениями. Маска едва прикрывала область глаз, оставляя открытым всё остальное.

От этого наряда у Гу Чжи заболели глаза — интересно, откуда у Юань Цзянькана взялась такая уверенность в том, что главы Пайчуаня его не узнают?

Хотя в душе она вовсе язвила, вслух Гу Чжи ничего не сказала.

В конце концов, лишний раз портить людям настроение не стоило.

Испытания для соискателей должности судебных сыщиков в Пайчуане состояли из трех этапов:

расследование обид, проверка следов и боевой экзамен.

Юань Цзянькан, оправдав все ожидания, во всех трех занял первые места.

Гу Чжи отрешенно смотрела на дерзкого и уверенного в себе юношу на арене, а спустя долгое время тихонько усмехнулась и с вздохом произнесла:

— Полный сил и юношеского задора молодой господин и впрямь способен волновать сердца.

Юань Цзянькан вместе с другими победителем вошел в главный зал, чтобы предстать перед главами Пайчуаня.

Его превосходительство Цзи Ханьфо как раз завершил дежурные похвалы, и уже собирался раздать всем жетоны сыщиков, как сидевший рядом с ним наверху Бай Цзяньхэ вдруг бормокнул:

— Юань Цзянькан... до чего же знакомое имя.

Сидевший с другой стороны Юнь Бицю вдруг все понял, немедленно велел остановить раздачу жетонов и, впери́в взгляд в стоявшего в самом центре внизу Юань Цзянькана, потребовал:

— Сними маску!

Гу Чжи в стороне была уже близка к тому, чтобы рассмеяться до истерики — она ведь говорила, что Фан Доби́на быстро разоблачат.

Самому же Фан Добину сейчас было явно не до злорадствующей Гу Чжи. Тупо уставившись на

Юнь Бицю, он озадаченно спросил:

— Разве сначала не должны выдавать жетоны?

Единственная женщина среди глав, Ши Шуй, тоже раскусила этот нехитрый маскарад и тут же вмешалась:

— Если хочешь стать судебным сыском, так почему не смеешь явить свое истинное лицо?

С этими словами она взмахнула рукой и атаковала Фан Добина. Тот среагировал молниеносно и попытался заблокировать попытку Ши Шуй сорвать с его лица маску, но в боевых искусствах он все же уступал Ши Шуй.

Не прошло и нескольких приемов, как Ши Шуй сбила маску с лица Фан Добина.

Увидев его истинный облик, Ши Шуй даже лишилась дар речи:

— Фан Добин, это ты.

Сидевшие позади трое глав тоже поднялись со своих мест, стоило Фан Добину показать свое лицо.

Фан Добину ничего не оставалось, как сделать вид, что он ни при чем. Размахивая руками перед главами, он расплылся в улыбке и жизнерадостно произнес:

— Четверо уважаемых глав, мы снова встретились.

Итогом стало то, что Фан Добина в очередной раз выставили вон, отказавшись принимать. Фан Добин тут же бросился выяснять причину.

Бай Цзяньхэ не стал ничего объяснять — он просто достал письмо из Усадьбы Тяньцзи, чернила на котором еще даже не успели высохнуть, и зачитал его в лицо Фан Добину:

— Если позволите моему никчемному сыну ступить на порог Пайчуаня, я разрушу Пайчуаня и устрою на его месте свинарник.

Выслушав это, Фан Добин мог лишь глупо улыбаться главам, однако сдаваться и оставлять мысль стать судебным сыщиком в Пайчуане он вовсе не собирался.

К тому же на этот раз он явился во всеоружии.

В самый последний момент, когда его уже собирались вытолкать вон, Фан Добин вытащил из сапога заготовленный заранее козырь — маленький деревянный меч, который когда-то подарил ему Ли Сяньи, причем на клинке даже было вырезано имя Сяньи.

Тут же он во всеуслышание объявил, что является прямым учеником Ли Сяньи.

Если бы Гу Чжи сейчас смутно не помнила сюжет Башни Лотоса, она, пожалуй, и впрямь могла бы поверить этому абсолютно честному выражению лица Фан Добина.